

А. И. Агеев¹

«РЫСКАНИЕ ПО АТТРАКТОРУ», ИЛИ СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ РОССИИ В ЭПОХУ СМЕНЫ ГЕГЕМОНА

Глобальные риски и стратегия управления

Ужесточение глобальной конкуренции, отражающееся в резко возросшей турбулентности международных отношений, происходит в условиях быстро разворачивающейся технологической революции, описываемой как цифровизация и индустриализация 4.0. Сочетание этих процессов на фоне известного «демографического перехода», миграции и трансформаций массовых стереотипов мировосприятия и поведения провоцирует сдвиг ключевых глобальных рисков в «оранжевую» и «красную» зоны.

Положение усугубляется невероятным темпом перемен, резким сокращением времени между формулированием идей и их воплощением. Мировая экономика расслаивается на три сектора, имеющих трансграничный характер: производство традиционных товаров, финансовый сектор и сверхрентабельная «информационная экономика», вплотную подошедшая к массовому производству форм виртуального сознания и соответствующих ему инструментов и платформ. Фокус глобальной конкуренции сдвигается в сферу моделей управления и стоящих за ними систем цивилизационных ценностей и культур. Изменения непосредственно влияют на базовые характеристики мировой экономической системы, восходящие к валютно-финансовой гегемонии.

В настоящее время речь идет об антропологическом вызове, смысл которого в том, что быстро складываются мощные технологические возможности для форматирования желаемого целевого состояния массового сознания, типа общества и его технологической базы. Соответственно быстро разворачивается конкуренция акторов за разработку этого желаемого состояния общества и упреждающее создание преимуществ в будущем.

¹ Генеральный директор Института экономических стратегий РАН, заведующий кафедрой Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ», доктор экономических наук, профессор. Автор более 700 научных, публицистических и литературных публикаций, в т. ч. «Смена гегемона», «Предпринимательство», «Преображение», «Россия в новой экономической реальности» (в соавт.), «Особенности применения методологии стратегической матрицы при прогнозировании развития государства (на примере России и Китая)», «Нефть Евразии», «Интегрированная отчетность: вызов менеджменту» и др.

После некоторого периода неприятия подобного, по сути социального, проектирования в явном виде выдвигается цель создания нового типа человека и человекоподобных систем с расчетом на контроль их полного жизненного цикла. Технологии проектирования новых типов сознания связаны с доминирующей ролью нематериальных активов в успехе ведущих мировых корпораций, а также с появлением в ближайшем будущем искусственных систем, включающих самосознание и имитацию чувственной сферы. Речь идет о возможности реализации подобных проектов в глобальном и субглобальном масштабах.

Оценки, которые ежегодно делает Всемирный экономический форум², показывают растущую озабоченность элит непредсказуемостью последствий, к которым приводит вал технологических инноваций, особенно в киберпространстве. Мобильный Интернет, Интернет вещей, облачные вычисления, прогресс в генетике и биотехнологиях, радикальное изменение содержания труда и рабочих мест, интеграция с нервной системой человека, использование новых видов энергии, формирование целевых идентичностей через игры и разного рода субкультуры — все это составляет ядро происходящего прорыва, не только открывающего огромные возможности, но и таящего серьезные риски. Технологические риски переплетаются с социальными и геополитическими. Угроза обрушения мировой финансовой системы, дефицит воды и продовольствия, ожидаемые природные катаклизмы — и все это на фоне мировой нестабильности, локальных конфликтов и острой конкуренции интеграционных мегапроектов. Драматизма ситуации добавляют множественный подрыв международной правовой системы и интенсивное применение методов гиперконкуренции, колеблющих основы рынка и дающих новые монопольные привилегии отдельным игрокам в ущерб большинству других заинтересованных сторон.

Все это задает новые требования к качеству управления социально-экономическим и научно-технологическим развитием и долгосрочными стратегическими

² The Global Risks Report 2017. URL: <https://www.weforum.org/reports/the-global-risks-report-2017>; The Inclusive Growth and Development Report 2017. URL: <https://www.weforum.org/reports/the-inclusive-growth-and-development-report-2017>

рисками. Решение этого класса задач стоит на повестке дня ведущих государств, интеграционных объединений и системообразующих корпораций. Актуальны эти проблемы и для России. Многие подходы и институты, ранее представлявшие работоспособными, уже не соответствуют ни рискам, ни возможностям (в том числе информационно-технологическим), ни социальным настроениям и ожиданиям. Однако принципиальное значение сегодня имеет понимание глубинных свойств современной мировой системы, генеалогия которых восходит к ключевым событиям и процессам XX века.

Проблема валютной гегемонии

Наибольшее влияние в мировой экономике имеет та валюта, которая эмитируется самой экономически мощной державой и вокруг которой формируется вся подчиненная ей структура мировой монетарной системы. В XIX веке таковой стала система, основанная на «золотом стандарте», «жестком курсе валют», а главное — на британском технологическом и экономическом превосходстве и, соответственно, фунте стерлингов. В период с 1913 по 1945 год, ознаменовавшийся переделом сфер влияния в ходе мировых войн, на роль мирового валютного гегемона выдвинулись США [1].

Как подчеркнул Р. Манделл, нобелевский лауреат по экономике, «большинство политических изменений, имевших место в XX веке, были порождены мало осмысленными пока что пертурбациями международной валютной системы, которые, в свою очередь, явились следствием подъема США и просчетов их финансового рычага — Федеральной резервной системы» [2]. Стоит, однако, заметить, что не все «просчеты ФРС» были ошибкой.

Резкий рост экономической мощи США в начале XX века, по справедливому мнению Ван дер Вее, позволял им установить контроль над Западной Европой уже к 1919 году: США «должны были занять место Великобритании как “главы мира”» [2, с. 16], согласующую мировую торговлю, инвестиции и расчеты. По сути, от США требовалось «стабилизирующее лидерство». Реализации этой миссии США помешали не только установка влиятельной части элит на изоляционизм, но и сопротивление и взаимное противоборство других, все еще могущественных в тот момент держав — прежде всего Англии и Франции, принцип «самоопределения» малых народов, породивший множество последствий, и так называемая проблема России. Но главный узел противоречий в тот решающий момент, который мог обеспечить уход от перспективы новой войны, затягивали два конкретных вопроса: сохранение колониальной системы и репарации с Германии, включая перераспределение ее колоний [3]. Версальский мир, принудивший Германию к множеству обязательств, стал одновременно и миной замедленного действия [4].

Для стабилизации национальных экономик, нормализации и возобновления роста мировой торговли требовалось кардинально решить несколько вопросов. Прежде всего необходимо было, согласовав противоречивые экономические интересы, создать признанные международным сообществом инструменты и институты, которые бы обеспечили регулирование тарифов и торгов-

ли и позволили кредитовать платежные балансы стран во избежание повторения экспорта инфляции. И, что самое важное, требовалось найти решение для обеспечения международной торговли платежным и мировым резервным средством, разработать такую систему обменных курсов, которая была бы эффективна достаточно долгий период времени, по крайней мере 25–30 лет.

Как продемонстрировали многочисленные международные конференции и переговоры в период между двумя мировыми войнами, включая опыт Лиги Наций, способность ведущих держав найти взаимовыгодные решения явно оставляла желать лучшего.

Должны были сложиться условия для принуждения правительств ведущих стран не только к плодотворной и конструктивной дискуссии по ключевым вопросам международных отношений, торговли, расчетов и инвестиций, но и к созданию реально дееспособных международных институтов, которые бы отразили доминирующую экономическую роль США.

Важнейший экономический результат Второй мировой войны — создание коалицией победителей системы наднациональных институтов. Главным из них стала Организация Объединенных Наций (ООН). Бреттон-Вудское соглашение (1944) предусматривало также создание МВФ и МБРР (1945–1946), ГАТТ (1947) и систему международных расчетов, основанную на долларе США как мировом платежном и резервном средстве. Были установлены фиксированные в определенном коридоре валютные курсы, восстановлена связь ключевых валют с золотом и установлена его фиксированная цена. К 1945 году США аккумулировали, по разным оценкам, от 70 до 85 % мировых золотых запасов. ФРС США становилась эмитентом мировой платежной валюты, а по сути — центральным банком мировой экономики. Доходы ФРС складывались из эмиссии наличных денег для всей мировой платежной системы (в виде разницы стоимости выпуска одной банкноты и ее номинала, так называемый сеньораж), и из процентов по предоставляемым займам в мировом масштабе.

По приблизительным оценкам, перед США стояла задача освоения около 40–50 % мирового экономического пространства в придачу к тому объему, который они контролировали в довоенный период. Этот революционный сдвиг ясно выразил Франклин Рузвельт: «Главные американские послевоенные интересы ныне заключаются не только в обеспечении преобладания в Западном полушарии, но и в предотвращении попадания Восточного полушария в зону контроля одной потенциально враждебной державы» [5].

Данную задачу обосновывала идеология либерализации мирового рынка, подразумевающая главным образом снятие преград доступа как на рынки бывших противников и их сателлитов, так и на рынки, находившиеся в зоне колониального влияния союзников США — Великобритании и Франции. Задачами обеспечения доступа на абсолютно все рынки можно было пренебречь. В этой обстановке и возникла возможность развития «второго мира» — социалистического, с относительно обособленными контурами хозяйственной деятельности. Своего рода лимит расширения этого фрагмента мирового рынка эмпирически тоже был

очевиден — 20–25 %. Вот когда глобальный капитал полностью «освоит» свои 75–80 % емкости рынка, объективно возникнет потребность в абсолютной глобализации. Случится это в конце 1980-х годов. «Драйв глобализации» продлится до начала XXI столетия.

Реальный мировой статус России и задачи системы управления

Россия относительно глубоко встроена в мирохозяйственные связи, глобальное информационное пространство и геополитические конфигурации. Это исключает сугубо автаркические решения, но ставит вопрос о характере обеспечения и уровне экономической самодостаточности, культурной идентичности, особенно в условиях санкций и информационно-политического давления. Множественность угроз и возможностей для России налагается на высокую социальную неоднородность и как ее предпосылку и следствие — неоднородность целевых и ценностных ориентаций, поведенческих стереотипов и интересов ключевых групп российского общества [6–9]. В результате в выборе стратегической линии развития наблюдается затянувшийся эффект «рысканий по аттрактору». Нарастание и осознание издержек зависимого положения в мировой конфигурации экономики и политики началось еще в конце 1990-х годов. Этот процесс еще не завершился, что и определяет сохраняющуюся сложность социального выбора.

Характеризуя развитость системы управления социально-экономическим и научно-технологическим развитием по топологической шкале (по критериям «уровень решаемых задач» и «ресурсная база»), можно выделить четыре типа управления:

- соответствующее масштабу задач и ресурсному потенциалу;
- претендующее на достижение масштабных целей, но не использующее надлежащим образом имеющийся потенциал;
- не ставящее масштабных задач, но ориентированное на полную эксплуатацию потенциала;
- не ставящее задач высокого уровня и не ориентированное на полное использование ресурсов.

Следует сделать два разъясняющих замечания — о масштабе решаемых задач и характере управления использования ресурсного потенциала.

Во-первых, о масштабе задач, решаемых системой управления. Вопрос имеет вовсе не отвлеченный характер, будучи с 2014 года одним из самых злободневных вопросов международной риторики, напрямую связанным с введением санкций против России и оценкой ее международного статуса. Речь идет о том, державой какого ранга является Россия. Классификатор по критерию интегральной мощи государств выделяет страны в категории «сверхдержава», «великая держава», «региональная держава», «малое государство» [10]. За каждым понятием стоит эмпирический эквивалент. Сегодня статус сверхдержавы имеют лишь США, приближаются к нему Европейский Союз и Китай. Россия имеет интегральную мощь в середине диапазона великой державы, при этом уровень фактора управления находится на нижней грани диапазона, уступая относительным значениям ряда других параметров [11, 12].

Введение санкций против России декларативно аргументировалось ссылкой на ее статус как якобы региональной державы. Исторически и в современной дипломатии отнесение сильным участником системы международных отношений другой страны к той или иной категории означает попытку односторонней и принудительной фиксации лиги значений ее допустимого (отводимого ей) поведения. В данном случае отрицание объективного статуса России как великой державы с вытекающими отсюда правами и ответственностью в международных отношениях исключает проецирование ею силы вовне и значимую роль в определении глобальной повестки дня. Из этого зазора между самооценкой России и ее оценкой США и их союзниками неизбежно следует не только международное противоречие, но и один из главных вызовов системе управления.

Суть этого вызова в том, какого масштаба задачи Россия может позволить себе решать и могут ли они выходить за рамки отведенного ей статуса. Вокруг этого вопроса развернулась острая внутрисистемная и международная полемика. Официальный курс РФ был сформулирован как «наращивание экономического суверенитета»¹. В прогнозе развития до 2030 года, разработанном Евразийской экономической комиссией, были сформулированы сценарии «Собственный центр силы», «Транзитно-сырьевой мост» и «Продленный статус-кво» [13]. Хотя в реальном пространстве события пока разворачиваются скорее в пространстве второго и третьего сценариев, превращение ЕАЭС в один из самых влиятельных мировых центров силы представляется не только желаемым, но и достижимым. Этот же вариант поддерживается установками на «сопряжение евразийской интеграции с экономическим поясом Великого шелкового пути» и выдвиганием идеи «Большой Евразии». Необходимым условием его реализации является выстраивание соответствующих этой цели институтов управления. Следует обратить внимание на близость стратегических вызовов современности тем обстоятельствам, которые предвещали образование СССР и Великую Отечественную войну.

В конечном счете стратегический выбор для актора с объективно высоким мировым статусом сводится к способности и готовности: 1) быть лидером в целевом секторе деятельности; 2) играть роль провинции; 3) довольствоваться статусом мировой периферии или 4) захолустья — технологического, экономического, социального, культурного. Этот выбор касается и страны, и ее регионов, корпораций и в итоге каждого гражданина. Ставка на лидерство в целевых сегментах мировой экономики и успешные действия по достижению целей являются признаком решения масштабных управленческих задач.

Во-вторых, отношение управляющей системы к ресурсному потенциалу градуируется на его развитие, использование или эксплуатацию (вплоть до уничтожения). Система же управления, которая ставит задачи, соответствующие объективному масштабу страны и ожиданий общества, нацелена на уве-

¹ Протокол совещания у Председателя Правительства РФ от 1 дек. 2015 г. URL: <http://government.ru/orders/20957/>

личение, а не снижение долгосрочной ресурсной мощи страны, в том числе демографической и научно-технологической.

В предложенной топологической шкале сегодняшняя российская система управления обобщенно сочетает свойства второго и третьего типов. Лишь немногие субъекты (корпорации и регионы) действуют в логике первого типа управления и имеют сильные конкурентные позиции. В результате страна представляет собой неоднородное экономическое пространство, где сосуществуют технологические уклады и институты разных поколений [14]. Это делает малоэффективными попытки унифицированного решения всех проблем и тем более сброс их решения в поле рыночной самоорганизации. Решение требует высокой культуры и адекватности управления.

Заключение

Ныне и государство, и российское общество переживают интенсивный период самоосознания. Но стратегический выбор еще не сделан, хотя он во многом и предопределен. В элитах и обществе сохраняются заблуждения относительно возможности следования прежней экономической модели и геополитической парадигме, сводящейся к всемерной интеграции в структуры Запада, делегирования ему части своей ответственности за собственное цивилизационное развитие, предпочтения примитивной модели государственно-монополистического устройства экономики.

Проект стабилизации текущего статуса России без углубленной интеграции постсоветского пространства все еще имеет высокую привлекательность для части российской элиты. Россия, как и другие страны постсоветского ареала, до сих пор не определилась с вектором и моделью своей эволюции. Усилившиеся моменты нарочитой независимости, кое-где за пределами РФ тенденциозно трактуемой как «империализм», отнюдь не сняли этого противоречия российской политики, которая фундаментально в установках современной элиты остается прозападной.

Такая постановка вопроса представляется устаревшей и стратегически ошибочной.

В условиях XXI века статус «великой державы» может быть транзитным состоянием либо в продвижении к сверхдержавному статусу за счет построения собственного или на кооперативных началах торгово-экономического и военно-политического блоков, либо в сползании к положению региональной державы, что рано или поздно будет означать для России отказ от ядерного статуса, территориальные потери и слом цивилизационной идентичности.

Множественность акторов и их интересов в современном мире предполагает ряд сценариев развития между двумя крайностями: большой войной и сохранением напряженности. Это состояние сегодня лишь с натяжкой можно называть «новой холодной войной». Пока нет критической массы условий и факторов новой войны мирового масштаба. Происходит, правда, их накопление, аналогично «нагреванию котла», как это было перед двумя мировыми войнами XX столетия.

Международная обстановка требует от России безупречно выполнять роль и гаранта (одного из гарантов,

но критически важного), и оператора (одного из них, но критически ценного) системы поддержания мировых и региональных экономических балансов, прежде всего в военно-политической, топливно-энергетической, транспортной, космической и ряде других областей. Реальный потенциал, имеющийся у России как у великой державы, по большинству параметров интегральной мощи позволяет успешно противостоять разжиганию войны.

Однако особенностью долгосрочной динамики России является повышенная склонность ее управляющей элиты к неоправданным внешнеполитическим уступкам, чреватых принесением себя в жертву чужим геополитическим и геоэкономическим замыслам. Обычно это самопожертвование заканчивается катастрофой, преодоление которой требует перенапряжения сил. И то и другое оборачивается конкурентными преимуществами и выгодами для других заинтересованных сторон (оппонентов). Так и сегодня одним из лейтмотивов внешних и внутренних дебатов является указание на «малость» или «слабость», «зависимость», «региональность», «провинциальность», «отсталость» и прочие характеристики России, призванные в зародыше исключить нежелательный для ряда глобальных игроков сдвиг в пользу обретения Россией стратегической субъектности.

При всей непоследовательности действий высшего политического руководства РФ его стратегические императивы и понимание современного момента неоднократно были выражены вполне отчетливо. Между качеством понимания, принимаемыми решениями и эффективностью их реализации существует, однако, дистанция, в некоторых случаях непреодолимая.

Группа стран БРИКС, поначалу казавшаяся многим удобной умозрительно-статистической конструкцией, довольно быстро обнаружила существенный онтологический смысл. Он не сводится только к происходящему фундаментальному сдвигу в мировой экономике в пользу развивающихся стран, авангардом которых являются БРИКС и ряд других стран (Мексика, Индонезия, Нигерия, Турция — группа МИНТ, а также некоторые другие). В международных отношениях также возрастает роль БРИКС как субъекта суверенной политики, альтернативной развязыванию новой мировой войны. В этих условиях инициированная Россией активизация экономического и военного сотрудничества стран в рамках БРИКС, а также ЕАЭС может предотвратить втягивание их в новую большую войну.

Литература

1. Агеев А. И. Смена гегемона: война и экономика / А. И. Агеев. — М. : Институт экономических стратегий, РУБИН, 2016.
2. Ван дер Вее Г. История мировой экономики. 1945–1990 / Г. Ван дер Вее. — М. : Наука, 1994.
3. Уткин А. И. Вудро Вильсон / А. И. Уткин. — М. : Культурная революция, 2010. — С. 448.
4. Keynes J. M. A Revision of the Treaty / J. M. Keynes. — N. Y. : Harcourt, Brace and company, 1922.
5. Уткин А. И. Рузвельт / А. И. Уткин. — М. : Логос, 2000. — С. 275.
6. Макаров В. Л. Социальный кластеризм: российский вызов / В. Л. Макаров. — М. : Бизнес Атлас, 2010.
7. Аганбегян А. Г. Стратегическая задача России — ускорение социально-экономического развития / А. Г. Аганбегян // Экономические стратегии. — 2013. — № 7, 8.

8. *Маевский В. И.* О рациональном поведении реального потребителя / В. И. Маевский, Д. С. Чернавский // Вопросы экономики. — 2007. — № 3.

9. *Полтерович В. М.* Элементы теории реформ / В. М. Полтерович. — М. : Экономика, 2007.

10. *Агеев А. И.* Методология стратегической матрицы / А. И. Агеев, Б. В. Куроедов, Р. Мэтьюз, О. С. Сандаров. — М. : Институт экономических стратегий, 2004.

11. *Агеев А. И.* Особенности применения методологии стратегической матрицы при прогнозировании развития государств (на

примере России и Китая) / А. И. Агеев, Б. В. Куроедов. — М. : Институт экономических стратегий, 2008.

12. Глобальный рейтинг интегральной мощи 100 стран мира / А. И. Агеев, Г. Менш, Р. Мэтьюз. — М. : Институт экономических стратегий, 2012.

13. Долгосрочный прогноз экономического развития Евразийского экономического союза до 2030 года. — М. : ЕЭК, 2015.

14. *Глазьев С. Ю.* Стратегия опережающего развития российской экономики в условиях глобального кризиса / С. Ю. Глазьев. — М. : Экономика, 2010.